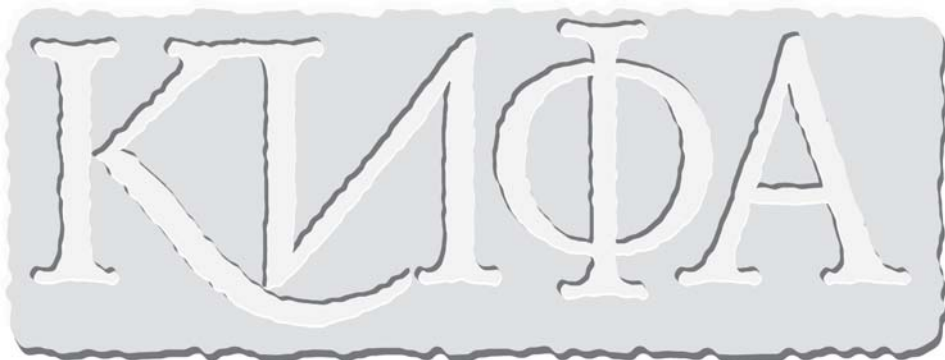

И САМИ, КАК ЖИВЫЕ КАМНИ, УСТРОЯЙТЕ ИЗ СЕБЯ ДОМ ДУХОВНЫЙ

«СТРАНА НЕРАСКАЯННЫХ КАИНОВ ВРЯД ЛИ МОЖЕТ ВОЙТИ В ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ»

Интервью с членом Синодальной комиссии по канонизации святых
протоиереем Георгием Митрофановым

Юлия Балакишина: Отец Георгий, как Вам представляется, сохранила ли в себе современная Россия черты «той России, которую мы потеряли», и если да, то в чем Вы их видите?

Прот. Георгий Митрофанов: Характерным результатом 90-х годов — попытки осмысления исторического пути России, происходившей в то время — является понимание: та девятисотлетняя историческая православная национальная Россия, мыслями о которой многие из нас в советское время пытались поддержать себя в советской действительности, утрачена нами навсегда. Современная страна может быть названа постсоветской Россией. Это уже и не традиционная Россия, и не Советский Союз, это нечто третье, причудливым образом совмещающее в себе черты трех стран: двух, которые уже были и ушли, и третьей, которая рождается на наших глазах. Я бы назвал постсоветскую Россию «страной третьего мира», имея в виду под этим термином страну, либо не имеющую своей истории, либо оторванную от своей истории. С нами произошло именно это. В 90-е годы мы вдруг осознали, что историческая Россия невосстановима, а Советский Союз развалился.

И тем не менее, если говорить о чертах двух этих прошлых России, то в нашей современной жизни, конечно, преобладают черты советской России. Особенно печально наблюдать эти черты в церковной жизни. Одним из главных проявлений этой тенденции является то обстоятельство, что большинство пришедших в Церковь постсоветских людей по существу людьми религиозными еще не стали. В Церковь их привели сторонние обстоятельства. У них нет даже самого элементарного опыта религиозной жизни. Я хочу подчеркнуть: не религиозных знаний, а именно опыта жизни. Вот почему они с такой легкостью готовы придать нашей современной цер-

ковной жизни черты, с одной стороны, комбината ритуально-бытовых услуг, а с другой — новой организации, которая избавит их от тяжелого бремени ответственности и свободы. Для многих Церковь представляется именно таким суррогатом советской организации, которая наделяет их новой тоталитарной идеологией, замешанной на их политических, психологических, национальных комплексах, исполненной духа ненависти, духа недоверия к человеку как таковому. Перепутанные постсоветские обыватели находят в ней, как им кажется, тихую заводь, позволяющую стройными рядами идти теперь уже не в светлое коммунистическое будущее, а в Царство Небесное. И несчастье многих людей, приходящих в Церковь, заключается именно в том, что им трудно различить в себе постсоветского дезориентированного закомплексованного обывателя и действительно религиозно взыскующего человека, утратившего веру своих предков и все-таки ищущего путей обретения Церкви. Именно эта опасность превращения Церкви в какой-то свой двойник, как определял это разнovidность церковной жизни Фудель, является одним из главных результатов нашей «советскости».

Кроме того, очень важной чертой современной жизни, отражающей в себе глубокую преестественность по отношению к советскому прошлому, является то, что мы до сего времени не пережили опыт покаяния за это прошлое. И даже, может быть, не то страшно, что мы в полной мере не осознали ужас того, что было; страшнее, что мы так и не научились ценить ту страну, которую большевики отняли у нас. И это незнание исторической России по существу отторгает нас от нашей девятисотлетней истории, превращая всего лишь в постсоветских людей, для которых прошлое ограничивается семьюдесятью годами советского времени. Это не отвлеченный вопрос, наоборот: это конкретная интуиция, мешающая людям осознавать самих себя в этом мире с точки зрения не только истории, но и вечности.

Если же говорить о более конкретных проявлениях этих черт, то, пожалуй, самым ярким, самым распространённым проявлением советской ментальности в нашей жизни является поразительная нечувствительность людей к слову. Слово в советскую эпоху подчас было способом выживания человека. Можно было говорить все что угодно, приравниваясь к конкретной ситуации, лишь бы только это слово не осложнило твою житейскую обденную жизнь. Более изолтавшейся страны, наверное, не было в истории человечества. Но не было и страны, в которой слово бы так обесценилось, как это произошло у нас. Вот почему эта кажущаяся иллюзия нашего легкого перехода «от советского прошлого к святой Руси» заставляет очень многих современников пребывать в ощущении того, что они стали кем-то другим, хотя на самом деле ничего не

изменилось. Страна нераскаянных Каинов вряд ли может войти в Царство Небесное. Более того, такая страна вряд ли может стать местом деятельности активной честной одухотворенной церкви. Вот почему очень часто наша современная православная церковь вызывает у многих совестливых искренних людей — и это очень тревожный симптом конца 90-х — начала 2000-х годов — ощущение какой-то неподлинности.

Анастасия Наконечная: Каковы пути выхода из этой ситуации с учетом того, что, как Вы, наверное, знаете, современных россиян раздражают слова «советские репрессии», «нужно покаяние народа»? Что можно сделать для того, чтобы ситуация изменилась?

Прот. Георгий Митрофанов: Я думаю, что для многих из нас, православных христиан, было очевидно, что на пути возрождения исторической России функцию локомотива, вытягивающего нашу страну из советского прошлого, будет исполнять Русская православная церковь. К сожалению, этого не произошло. Конечно, отдельные священнослужители, отдельные церковные иерархи занимают подчас в этом отношении довольно активную позицию, но в целом, нужно признать, для многих церковных людей необходимость духовно, исторически адекватно высказываться по всем вопросам современной культуры, политики, общественной жизни не представляется такой уж очевидной. И для меня, как для священника и историка одновременно, очевидно, что потеряв ту историческую Россию, которую 900 лет создали наши предки, мы все-таки еще не потеряли, по милости Божьей, память о нашем небесном Отечестве, о котором постоянно напоминает нам наша Церковь. И вот в чаянии этого небесного Отечества, в искании его, в попытках так или иначе перенести черты этого небесного Отечества в нашу повседневную обденную жизнь, может быть, и будет заключаться возможность создания страны, уже не похожей ни на императорскую Россию, ни, я надеюсь, совершенно не похожей на Советский Союз, которая появится на том постсоветском пространстве, на котором мы все сейчас обитаем и которое до сих пор

Окончание на с. 4

7 (97)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ
БРАТСТВ

МАЙ
2009

в газете использованы
материалы сайта sfl.ru
электронная версия газеты
gazetkifa.ru

в номере:

В Москве прошло пленарное заседание Синодальной богословской комиссии. В ходе заседания обсуждался ряд важных вопросов, в том числе проблемы составления и издания современного катехизиса Русской православной церкви
С. 3

«Всякая свобода — в конечном итоге есть свобода от страха»

В Санкт-Петербурге состоялась презентация нового издания повести Л.К. Чуковской «Софья Петровна»
С. 5

«Нас не смутят насмешками над нашим единомыслием и единодушием»

80 лет назад большевиками было окончательно уничтожено Крестовоздвиженское православное трудовое братство, просуществовавшее сорок лет. Об одном знакомом, кризисном эпизоде истории братства рассказывают воспоминания Н.Н. Неплюева и братские хроники
С. 6-7

Настоящее общение — это редкий цветок

Примеров истинного общения немного. Очень много подмен. Мы можем говорить красиво, умно, завораживающе...
С. 8

В приложении «Миссионерское обозрение» — новости миссионерской жизни и размышления об истории Русской духовной миссии в Китае

Эта икона под влиянием общественности была убрана из храма, находящегося в г. Стрельна под Санкт-Петербургом, в ноябре 2008 г.

XIII съезд Православного братства в Западной Европе прошел в Амьене

С 30 апреля по 3 мая прошёл съезд, на который собралось более 600 человек, представлявших Константинопольскую, Греческую, Румынскую, Русскую православные церкви. Такие встречи в течение 40 лет регулярно проводятся Западно-Европейским братством, ныне возглавляемым Николаем Бером (до него председателем братства был известный богослов, профессор Оливье Клеман). В этом году в работе Конгресса, посвященного теме «Творение, отданное в наши руки», приняли участие митр. Эммануил (Адамакис), председатель Ассамблеи православных епископов Франции (Константинопольская православная церковь); митр. Серафим (Жоанте) и митр. Иосиф (Поп) (Румынская православная церковь); архиеп. Гавриил (де Вильер), еп. Василий (Осборн) и еп. Афинагор (Пешкитат) (КПЦ) и более полусотни священников и диаконов.

Во встрече приняли участие представители Преображенского содружества малых православных братств — ректор Свято-Филаретовского института проф.-свят. Георгий Кочетков и проректор Дмитрий Сергеевич Гасак. Мы попросили о. Георгия поделиться с нашими читателями своими впечатлениями от конгресса.

ИНТЕРВЬЮ СО СВЯЦ. ГЕОРГИЕМ КОЧЕТКОВЫМ

— Отец Георгий, Вы уже не в первый раз участвуете в съездах Западно-Европейского братства. Как Вам кажется, изменилось за те три года, которые прошли после предыдущего съезда?

— Мне трудно судить об этом в глобальном масштабе, потому что Западно-Европейское православное братство — это видно сразу — переживает определённый переходный период своей жизни. А всякое кризисное время — это время противоречивое. Конечно, видно, что больше стало, во-первых, самих участников съезда, во-вторых, среди них больше молодежи, довольно много детей, людей разных национальностей. С другой стороны, меньше стало русских людей, реже стала звучать русская речь.

Некоторая увлечённость уже давно не новой идеей создания в Европе автокефальной православной церкви скорее приводит к мысли о том, что творческое исследование этого вопроса перешло в фазу организационную, внешнюю, и поэтому часто не очень глубоко. Однако желающие приблизить день такой автокефалии сохраняются. Впрочем, думаю, что на самом деле требуется новый подход к этим вопросам. Один из таких подходов был представлен в опубликованной недавно статье декана Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке, в Крестовде, о. Джона Бэра, который попытался вновь рассмотреть идею универсальности канонического принципа «одна территория, один город, один епископ». Он ставит под вопрос эту универсальность, даёт именно об объединении православных, разбросанных по разным юрисдикциям и часто живущих бок о бок, но не замечающих друг друга только из-за разницы культур, языка и каких-то традиционных бытовых, или пусть даже канонических аспектов своей жизни.

— Что показало Вам наиболее интересное, многообещающее в прошедшей встрече?

— Любое братство интересно своим братским духом, своей открытостью. И мы видели примеры такой открытости. Для нас особенно радостно было видеть, что не исключением являлись и архиереи разных юрисдикций, которые присутствовали на съезде. Они были очень доступными, простыми в общении. Само богослужение

проходило достаточно непосредственно, просто, даже, я бы сказал, свободно — не в смысле произвола, а в смысле именно проявления сердечности и свободы служащих, особенно предстоятелей.

Ничто не может сравниться с живым общением. И такого живого личного общения было довольно много. Были новые знакомства, были радостные встречи со старыми друзьями и знакомыми. Само собрание братства, которое осознавало себя как объединение не юрисдикционное, а живущее лишь по принципу единства в вере, как бы несло в себе тот дух приближения к общинно-братской жизни, которого чаёт вся православная церковь, требующая возрождения не только в России, но и практически во всех местах своего исторического и современного странствования.

— Было ли что-нибудь, что Вас огорчило?

— При всей личной открытости была заметна общая замкнутость на себе и на своём, нередко встречающаяся в Западной Европе и в Америке. Более того, мне показалось, что наметилась некоторая негативная тенденция в отношении ко всему русскому, что, конечно, печально. Естественно ожидать, что Русский эскадрат, в какой бы юрисдикции он ни был, будет чувствовать свою благодарность прежде всего к русской православной традиции, ведь его члены в большой степени пользуются именно ее духовными богатствами. Но внимания к тому, что происходит сейчас в России, было не много. Может быть, это слишком большое впечатление, однако оно сложилось у меня именно таким образом.

Доклады были очень разного уровня. Да, мы не всегда могли в полной мере оценить их из-за того, что организованный русский перевод часто был беглым и не всегда внятным и точным. Но даже при этом для нас несколько странно прозвучало одно выступление, касающееся экологических инициатив Вселенского патриарха Варфоломея. Казалось, что целью выступающего была не сама суть дела, а, скорее, восхваление личности, некий даже культ её. Это не только удивляло, но, увы, напоминало нам определённые страницы нашей недавней истории.

— В последнее время отношения Русской православной церкви с Экзархатом, к которому принадлежит значительная часть членов Западно-Европейского братства, были напряжёнными. Какие перспективы здесь возможны?

— Хотя о сложных взаимоотношениях прямо ничего не говорилось, но некоторое отчуждение, недоверие друг к другу ощущалось даже в дискуссиях, на круглых столах и в секциях, в частности, на круглом столе, посвящённом будущему православия в Западной Европе. Но добрые перспективы, конечно, возможны. Мы все должны видеть, что помогая друг другу решать живые реальные проблемы церковной жизни, мы приближаемся к Богу и друг к другу, как это замечали ещё древние святые отцы. Мне представляется, что более глубокое плодотворное творческое сотрудничество между духовными школами обеих юрисдикций, между богословами, церковными деятелями, мирянами, молодёжью могло бы способствовать преодолению имеющихся противоречий и конфликтов. Хотелось бы верить, что так оно и будет и что ныне в Русской церкви открываются новые возможности для укрепления всеправославного единства.

Не раз на съезде православного братства упоминалось открывающееся в ближайшем времени на Кипре Совещание предстоятелей православных церквей. Хотелось бы пожелать в будущем всем нам, чтобы это совещание, так же как и другие подобные встречи, позволило укрепить соборность церкви, начиная от местной и кончая вселенской. Если живые открытые вопросы нашей жизни будут поставлены и разрешены в духе братской христианской любви, чему как раз и призвана способствовать православная вера, этому можно будет только радоваться.

Беседавала Александра Колымагина

Митрополит Американский и Канадский Иона: Настало время быть прямыми

— Ваше Блаженство, посещение Московского патриархата — Ваш первый визит в братскую поместную Церковь. Какие основные цели этой поездки? Чего здесь больше: дани почтения по отношению к Церкви-Матери или стремления обсудить конкретные вызовы, стоящие сегодня перед православием как в Америке, так и в России и во всем мире?

— Конечно, прежде всего, я хотел выразить свое уважение нашей Матери-Церкви и лично Патриарху Кириллу. Он оказывает очень большую поддержку Православной Церкви в Америке, мы имеем одинаковые взгляды на многие вещи, касающиеся не только Америки, но и православного мира в целом.

Одна из моих основных целей — не только совершить совместные богослужения с Патриархом, но познакомиться с ним лично, установить рабочие контакты с ним, а также с архиепископом Иларионом, главой Отдела внешних церковных связей. Мы были знакомы с ним и раньше, но пока что не имели возможности обсудить многие конкретные вопросы.

— Автокефалия ПЦА до сих пор принята не всем мировым православием. Могли бы Вы напомнить, какие поместные Церкви признают её, а какие — нет? Как Вы видите перспективы решения этого непростого вопроса? Планируете ли Вы посетить Константинопольский патриархат?

— Да, я планирую посетить Вселенский патриархат. Но моя позиция остается неизменной: они (иерархи Константинопольской Церкви) не могут принимать решений, касающихся ПЦА, без нашего участия.

Именно Вселенский патриархат остается главным противником нашей автокефалии. Поместные Церкви, находящиеся в сфере непосредственного влияния Константинополья, — Александрийская, Иерусалимская, Элладская, Кипрская — также не признают нашего статуса.

Полностью признают нашу автокефалию Русская, Болгарская, Польская и Чешская Церкви.

У нас очень хорошие отношения с Антиохийским, Сербским патриархатами, которые официально не признают автокефалию ПЦА.

Вопрос о признании автокефалии ПЦА — составная часть более широкого вопроса, вопроса о том, как мы можем создать единую Православную Церковь в Северной Америке. Я не думаю, что эту проблему можно было бы решить путем присоединения существующих в Америке национальных юрисдикций к ПЦА. Но ПЦА может послужить образцом для решения этой проблемы в Северной Америке. Необходим Синод епископов, в котором были бы представлены различные этнические группы, который бы рассматривал миссию Церкви в первую очередь как Церковь поместной, действующей на «своей» территории, принимающей всех православных — вне зависимости от их этнических корней.

— Как распределяется сегодня количество верующих по различным православным общинам в Америке? Сколько верующих в ПЦА, в Греческой архиепископии, в РПЦ?

— Насколько мне известно, Греческая архиепископия насчитывает большее, чем ПЦА, количество верующих — примерно на 25-50%. Но у нас больше церквей — 650. Что касается наших пастырей — я имею в виду активных членов общин, — то ее численность составляет около 100 000 человек. Если считать всех «номинально православных», это число будет намного больше, но я считаю только практических членов Церкви. Я бы не стал говорить о «миллионах православных» в Северной Америке, хотя, возможно, общее число людей, крещённых в Православной Церкви, и достигает здесь таких показателей.

— Что касается РПЦ, то численность ее пастырей намного меньше, чем у нас. У них около 100 приходов и около 10 000 верующих.

— Прошло почти два года со времени подписания акта о каноническом единстве РПЦ и РПЦЗ. Я слышал, что в прошлом у ПЦА были весьма напряженные отношения с «зарубежниками». Можно ли сказать, что этот период остался позади, или проблемы остаются? Если да, то какие именно?

— За последнее время отношения между двумя нашими Церквями значительно укрепились и улучшились. У меня прекрасные отношения с митрополитом Иларионом. Но

и здесь остается целый ряд нерешенных проблем: так, в РПЦЗ до сих пор остаются приходы, которые отказываются примириться с Московским патриархатом. Но я надеюсь, этот вопрос будет со временем решен. Со своей стороны, наш Синод объявил «амнистию» всем священникам, которые были подвергнуты каноническим прещениям за то, что в свое время перешли в РПЦЗ.

— Какова сейчас ситуация внутри ПЦА? Мы в России с тревогой следили за теми скандалами, которые разразились несколько лет назад в связи с финансовыми злоупотреблениями. Можно ли сказать, что этот период полностью завершен? Вступая на митрополическую кафедру, Вы высказались за введение внутри Церкви современных механизмов финансового контроля. Вводятся ли они уже, и если да, то каковы они?

— В целом ситуация исправлена. Практически все сотрудники Центрального управления ПЦА смещены — за исключением пары секретарей и экономки (смеется). На местах осуществляются очень хорошие, прозрачные системы контроля — они достаточно сложные, но обеспечивают контроль. Можно сказать, что в целом финансовый скандал остался в прошлом. Теперь наступило время исцеления. К сожалению, до сих пор не завершено расследование в Свято-Тихоновском монастыре, в котором в свое время жил и которым руководил митрополит Герман (бывший председатель ПЦА). Там очень много проблем...

— Недавно Синод вашей Церкви вновь принял в состав епископата ПЦА епископа Серафима (Сизурата). Этот архиерей известен многим в Москве — в последние годы он принимал участие во многих конференциях и других мероприятиях. Где он будет служить теперь?

— Мы приняли епископа Серафима в состав нашего епископата, потому что он обратился с такой просьбой. Я надеюсь, что он использует свои таланты, помогая мне в Нью-Йорке.

— А какова судьба Нового Скита? Перешедшая в ПЦА из Католической Церкви в 1970-е годы, эта монашеская община во многом отличается от привычных всем нам православных общин — хотя бы почитанием св. Франциска Ассизского.

— Новый Скит — уникальное место. Они живут своей собственной жизнью, и не следует в нее вмешиваться. Я глубоко уважаю их как общину — зрелую общину. Между монахами установились прекрасные отношения. Они привнесли некоторые особенности в богослужение, но сделали это с огромной любовью — хотя это и не очень похоже на русский или на греческий типикон. На мой взгляд, их слишком легко критикуют.

— Если истоки православия в Северной Америке связаны с преп. Германом Александрийским, его рост — со свт. Иннокентием Московским, обретение канонического статуса — со свт. Тихоном Московским, то более поздний период истории ПЦА, как правило, связывают с таким человеком, как о. Александр Шлеман. Каково отношение к наследию о. Александра в сегодняшней ПЦА? Как лично Вы относитесь к его «Дневникам»?

— О. Александр Шлеман по-настоящему любим в нашей Церкви. Очень многие чтут его память. Он не только сыграл ключевую роль в обретении нашей Церковью автокефалии, но и возродил практику частого причащения, он проявлял истинную заботу о том, как совершается литургия, напоминая, что это общее дело всей Церкви. Его наследие обладает огромной ценностью. Мне очень нравятся «Дневники» о. Александра, одна из главных тем этой книги — то различие, которое существует между верой и религией. Это очень важно.

— За полгода, что Вы занимаете кафедру архиепископа Вашингтонского, Вы успели зарекомендовать себя лидером, не боящимся озвучить свою позицию, даже если она может показаться кому-то неполиткорректной. Достаточно вспомнить Вашу недавнюю речь в Далласе. В какой мере, по-вашему, должна сочетаться в иерархах Церкви прямота и дипломатичность?

— Я думаю, что настало время быть прямыми. Мы можем быть политкорректными, но нас похоронят. Можем ли мы позволить играть в эти византийские политические игры, в которых нас попросту не берут в расчет? И я хочу, чтобы мой голос был услышан в ходе предстоящего обсуждения проблемы православной диаспоры. Я не хочу никого оскорблять — в частности Вселенского Патриарха, — но я хочу, чтобы позиция моей Церкви была услышана и признана. Нам необходимо самим участвовать в принятии решений, касающихся нашей судьбы.

Фрагменты интервью, данного митрополитом Ионой агентству Благовест-инфо
Беседавал Дмитрий Власов

В МОСКВЕ ПРОШЛО ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СИНОДАЛЬНОЙ БОГОСЛОВСКОЙ КОМИССИИ

4 мая в Патриаршей и Синодальной резиденции в Свято-Даниловом монастыре под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла состоялось пленарное заседание Синодальной богословской комиссии Русской Православной Церкви.

В президиум пленума Богословской комиссии вошли Патриарший экзарх всея Белоруссии митрополит Минский и Слуцкий Филарет, председатель Синодальной богословской комиссии, и архиепископ Волоколамский Иларион, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата.

На открытии заседания с докладом выступил Святейший Патриарх Кирилл. На пленуме были рассмотрены проекты тематической структуры и программы очередной общецерковной богословской конференции «Жизнь во Христе: христианская нравственность, аскетическое предание Церкви и вызовы современной эпохи». Проведение конференции запланировано на 9–12 ноября 2009 года. В ходе заседания обсуждалась также ряд других важных вопросов, касающихся деятельности Богословской комиссии, в том числе — перспективы богословской науки, а также проблемы составления и издания современного катехизиса Русской Православной Церкви.

В пленуме приняли участие архиепископ Верейский Евгений, ректор Московских духовных академий и семинарий, председатель Учебного комитета; архиепископ Нижегородский и Арзамасский Георгий, ректор Нижегородской духовной семинарии; архиепископ Биробиджанский Антоний, ректор Киевских духовных академий и семинарий; епископ Зарайский Меркурий, председатель Синодального отдела религиозного образования и катехизации; епископ Гатчинский Амвросий, ректор Санкт-Петербургских духовных академий и семинарий; епископ Бобруйский и Быховский Серафим, первый проректор Института теологии Белорусского государственного университета; протоиерей Владимир Воробьев, ректор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета; протоиерей Владислав Цыпин, заместитель председателя Учебного комитета; протоиерей Владимир Шмалый, проректор Московской духовной академии, секретарь Синодальной богословской комиссии; протоиерей Валентин Асмус; протоиерей Максим Козлов; протоиерей Андрей Кураев; руководитель Церковно-научного центра «Православная энциклопедия» С.Л. Кравец и другие члены Богословской комиссии.

На пленум были также приглашены протоиерей Всеволод Чаплин, председатель Отдела по взаимоотношениям Церкви и общества; В.Р. Легойда, председатель Синодального информационного отдела Русской Православной Церкви; протоиерей Николай Балашов, заместитель председателя ОБЦС МП; протоиерей Георгий Ряхов, заместитель председателя ОБЦС МП; иеромонах Савва (Тутунов), секретарь Управления делами Московской Патриархии; священник Михаил Желтов, зав. кафедрой литургического богословия ПСТГУ, зав. редакцией литургики ЦНЦ «Православная энциклопедия»; А.И. Кырлежев, научный консультант Синодальной богословской комиссии.

КОММЕНТАРИЙ РЕКТОРА СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКОГО ИНСТИТУТА ПРОФ.-СВЯЩ. ГЕОРГИЯ КОЧЕТКОВА

— Ваше Преподобие, как Вам кажется, какие вопросы из тех, что обсуждались 4 мая на пленарном заседании Синодальной богословской комиссии, наиболее актуальны?

— Встреча была посвящена богословской конференции, которая пройдет в ноябре и будет касаться современных проблем этической и аскетической стороны христианской жизни, что, конечно, очень важно. Еще обсуждался и вопрос, о котором в своё время (не один год назад) говорил о. Виталий Боровой: о том, что нужен новый катехизис для всей Церкви. Это тоже очень существенно.

— Не могли бы Вы прокомментировать это подробнее? Ведь Вы уже почти сорок лет занимаетесь катехизацией взрослых. Что бы Вы могли, опираясь на Вашу многолетнюю огласительную практику, посоветовать создателям такого катехизиса?

— Для того чтобы создать современный катехизис для взрослых, не ограничивающийся уровнем детского ликбеа (к сожалению, такая опасность существует), нужно проявить смирение перед откровением Божиим и учением апостолов и святых отцов и в то же время быть дерзновенными. Нужно очень хорошо понимать, что это не прописи, это не то, что можно изложить однозначно. Святые отцы всегда противоречили в чём-то друг другу, всегда давали повод для критики, всегда какая-то часть их наследия потом не входила в наследие всей Церкви. Тем не менее они святые отцы. Как сказал о. Георгий Флоровский¹, у каждого святого отца есть какая-то своя маленькая «ересь», кроме святого Григория Богослова.

— А большинство людей в церкви уверено, что существует consensus patrum.

— Он есть — в духе свободы, в духе любви, в духе дерзновения, но не иначе.

— Почти все его воспринимают как набор положений, который находится как бы на пересечении учения всех святых отцов: то, с чем все они согласны.

— Так не бывает.

— Как можно это доказать? — Как говорил о. Виталий Боровой, «не надо говорить «так святые отцы рекоса», не читая святых отцов». Поэтому доказать это можно только одним путем: чтением их творений. Тот, кто читал святых отцов, прекрасно знает, насколько они бывают разными, иногда противоположными друг другу, насколько они бывают людьми своего времени, и т.п.

Поэтому, с одной стороны, я очень обрадовался, что будет такой катехизис — это событие, которого мы давно ждём и для которого сами что-то делали много лет. Но то, что на это обсуждение не пригласили никого из членов нашего движения — не обязательно меня, но хотя бы Давида Мкртчичева Гэгзяна, которого уже не раз приглашали на подобные встречи, — это признак, по-моему, не очень добрый.

— Меня удивило, что из всех членов Синодальной богословской комиссии в заседании прежде все-

го участвовали люди, причастные к изданию таких богословских безграмотных вещей, как «Суд им давно готов» или к деятельности так называемой «правдолюбивской комиссии», показавшей себя недостаточно компетентной. Понятно, что никто из них не способен участвовать в создании современного катехизиса Русской православной церкви. А кто мог бы поработать над таким изданием плодотворно, и что этому способствовало бы?

— Среди членов богословской комиссии, начиная с митрополита Филарета, есть глубоко культурные и компетентные люди, понимающие жизнь и знающие православную традицию. Но очень важно, что будет взято ими за основу. Нельзя не учитывать опыт о. Сергея Булгакова, Н.А. Бердяева — не букву, а именно опыт всего религиозно-философского русского возрождения XIX–XX века. Если его проигнорировать, этот катехизис будет убогим, даже если он будет состоять из одних святоотеческих цитат. Если же этот опыт будет использован, то есть найдет.

Честно говоря, если бы меня спросили, как надо это дело делать, я сказал бы так: пусть в наших духовных школах, которые всегда отличались определённой степенью схоластики, создадут нормальный схоластический учебник, как делал митрополит Филарет, но только лучше, конечно. И пусть учат при этом те многочисленные катехизисы, которые уже были написаны в XX веке, начиная от детских и кончая очень взрослыми, такими как «Введение в православное богословие» Христова Яннареаса, катехизис епископа Александра Семёнова-Тянь-Шанского, «Как мы веруем» архиеп. Павла Финляндского, «Православие» Павла Евдокимова, «Православие» о. Сергия Булгакова, «Православная церковь» митрополита Каллиста (Уэра), пусть мои катехизисы возьмут.

Да, они очень не схоластические, поэтому так далеко не все для такой книги подойдет, но что-то можно взять и оттуда. Во всяком случае, это живая речь, это живое свидетельство, которое доказало свою жизнеспособность на протяжении десятилетий. А потом, после того, как это сделают, пусть скажут, что все остальные варианты тоже пригодны, но только не как официальная книга, одобренная Синодом, патриархом, Синодальной богословской комиссией и т.д., а как то цветение духа, цветение жизни, без которого ничто не может быть сделано. И если будет так, то, я уверен, этот труд не пройдет впустую. А если люди будут создавать «единую и неизменяемую формулу веры», то это обречено на провал.

— Как Вам кажется, насколько срочная эта работа? Можно ведь делать это не спеша, а можно постараться уложиться в какие-то краткие сроки. Понятно, что мы уже лет двадцать упустили. А сейчас насколько время нас поджимает?

— Время нас, конечно, поджимает, но, с другой стороны, спешить — людей наемистить. Я думаю, что надо создавать разные версии и давать их на обсуждение церкви. И открыто сказать, что там, может быть, не

сразу всё будет удачно. Если тех, кто будет критиковать эту работу, не будут преследовать, тогда будет толк. Конечно, средний уровень образования священнослужителей сейчас крайне низок, и это большая беда. Они могут быть хорошими, верующими людьми, но чтобы написать катехизис, мало быть просто хорошим человеком.

— На какие центры богословского образования здесь можно было бы опираться?

— Я думаю, что здесь можно назвать и Свято-Владимирскую семинарию, и Holy Cross, греческую семинарию в Америке, и Saint-Serge.

— Вы думаете, что в контексте тех сложных отношений, которые сейчас есть у Русской Православной Церкви с Западно-европейским Экзархатом, возможно будет плодотворно взаимодействовать?

— Это как раз может быть хорошим базисом для улучшения отношений.

— На что нужно будет при такой работе обратить внимание в первую очередь?

— Главное в катехизисе — это соединить правило жизни с правилом веры и с правилом молитвы. Если это удастся, и если удастся учесть святоотеческую идею ступенчатости при катехизации, тогда получится. Но если этого не будет, я думаю, что всё обречено на схоластику и мертвечину.

— То есть создателям катехизиса нужно будет как бы опять пройти тот путь, который проходили Вы, опираясь на те катехизисы, которые остались от отцов, смотреть, как они были построены и т.д. Или нет?

— Я не отталкивался от святых отцов. Я учил их опыт, но исходил из реального современного живого опыта. Для меня важнее были те возможности, которые даёт жизнь и ее требования.

— А потом оказалось, что это совпадает со святоотеческим опытом?

— Да, в результате очень многое совпало, значительно больше, чем я мог предположить.

— Не будет ли сама идея создания катехизиса скомпрометирована, если получится простое детский учебник или набор схоластических умозаключений?

— Конечно, всё очень сложно, нет достаточной богословской базы, и, в конце концов, можно всё испортить, это верно. Но тем не менее есть надежда, что это дело будет благодатным и принесёт хорошие плоды. Потому что когда собирается традиция, в этом всегда есть возможность возрождения духа и смысла. Апостол говорил: «Духа не уташайте» (1Фес 5:19). К сожалению, об этом забыли, особенно в последние 15–20 лет. И это, конечно, принесло очень горькие плоды. Так что оживление духа и смысла очень важно сейчас для всей нашей церкви.

Беседовала
Александра Колымагина

¹ Об этом мнении о. Георгия Флоровского, высказанном в личном разговоре, рассказал на конференции Сурожской епархии, проходившей в 2000 г., митрополит Сурожский Антоний.

Материал впервые опубликован в газете «НГ-религия». Здесь приводится в авторском варианте.

Вышел в свет новый номер журнала «Церковно-исторический вестник» (№ 14, 2009)

Главной темой очередного номера журнала стала новейшая история Русской Православной Церкви.

Безусловный интерес у читателей вызовет первая публикация записок известного чехиста Евгения Тучкова, фактически до 1929 года занимавшегося делами Православной Церкви в России от лица учреждений политического сыска.

Именно этот человек допрашивал Патриарха Тихона и митрополита Петра (Полянского), именно он держал в руках нити по созданию т. н. «обновленческого», а затем и «григорийского» раскола. Донесения Тучкова Сталину, Троцкому и другим членам большевистского ЦК ранее публиковались, а его записки, равно как и материалы его личного архива, публикуются впервые. Фото-публикации текстов в кроте-приложении к журналу имеются редкие и весьма интересные не только для историков-специалистов, но и для всех любителей церковной истории фотографии.

К тем гонениям на Церковь в XX веке непосредственно примыкает большая статья минского исследователя, преподавателя духовных школ Белорусского Экзархата А.В. Слесарева о положении православной Церкви в Восточной Белоруссии в годы т. н. Большого террора. В статье Смоленского историка М.В. Каиля рассказывается о «революции в Церкви», начавшейся после 1917 года. Автор рассматривает тему на примере Смоленского съезда духовенства и мирян 1917 г.

Новомуценкам и исповедникам Российским посвящены материалы в статье Костромского исследователя, наместника Свято-Покровского мужского монастыря архимандрита Никандра (Анплогова) и московской исследовательницы Е. Громогласовой о священномученике Сергии Лаврове. В этих статьях перед читателем развертывается жуткая картина преследования верующих в нашей стране.

Несколько особняком стоят в журнале еще две содержательные и интересные статьи: доктора исторических наук М. Шкаровского о судьбах русских православных приходов в Болгарии в XX столетии и сотрудника православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, кандидата ист. наук А. Кострюкова об особенностях совершенного богослужения в действующей армии в предположительные годы.

«Церковно-исторический вестник» является старейшим на сегодняшний день церковно-историческим журналом, начавшим выходить в свет в 1998 году. Он издается усилиями «Общества любителей церковной истории» и Отдела по делам молодежи Русской православной церкви. При журнале учреждена программа поддержки молодых ученых, статьи которых принимаются для рассмотрения и последующей публикации в случае их одобрения научной комиссией. Патриархия.ru

«СТРАНА НЕРАСКАЯННЫХ КАИНОВ ВРЯД ЛИ МОЖЕТ ВОЙТИ В ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ»

Интервью с членом Синодальной комиссии по канонизации святых протоиереем Георгием Митрофановым

Окончание. Начало на с. 1

не знаем с чем идентифицировать — с исторической Россией или с Советским Союзом. Наш государственный флаг и государственный гимн являются очень выразительными символами нашего двоясмыслия и двоядушия.

Юлия Балакишина: Может быть, противостоять этому двоядушию для нас возможно благодаря опыту тех людей, которые оставались верны себе и своей вере даже ценой жизни, — опыту новомучеников? Что для Вас в контексте нашего разговора представляется самым ценным в опыте новомучеников?

Прот. Георгий Митрофанов: Я бы не решился говорить так лаконично, так лапидарно о том, что является самым ценным для меня в опыте новомучеников. Их опыт многогранен и на самом деле весьма противоречив. Но прежде всего мне хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что гонения, которые пережила наша Церковь в XX веке, гонения действительно беспрецедентные, обнаружили два противоречивых момента. С одной стороны, в нашей Церкви нашлось немало людей, которые смогли своей кровью засвидетельствовать свою веру. Но ведь во время этих гонений проявилось и то, что гораздо большее число наших же православных русских христиан оказались способными проливать эту мученическую кровь. Чего здесь больше — праведности или греховности? На мой взгляд, скорее греховности, ибо почти полное уничтожение за какую-то четверть века Поместной церкви на территории России свидетельствовало о полном духовном неблагополучии нашей страны и нашего народа. В момент, когда Русская православная церковь была почти полностью уничтожена как организационная структура, когда русское духовенство уже добивали в лагерях после страшных репрессий 1937–1938 гг. (только в 1937 году было расстреляно 85 тыс. священнослужителей) — в это время, отвечая на вопросы переписи, более 50% советских граждан заявили о том, что они люди верующие. Возникает вопрос, какой же была их вера, если эта вера не побудила их в предшествующие 20 лет встать на защиту своих гонимых пастырей, своей гонимой Церкви? Может быть, эта религиозная вера не требовала полноценной, полнокровной церковной жизни, могла спокойно обходиться без покаяния, евхаристии, ограничиваясь лишь соблюдением на обыденно-бытовом уровне каких-то внешних традиций? Наконец, есть другое очень важное обстоятельство, которое для меня по-настоящему проступило в известном эпизоде встречи святого патриарха Тихона со святым митрополитом Кириллом (Смирновым), когда, приехав в короткий промежуток между двумя ссылками в Москву, святитель Кирилл стал убеждать патриарха прекратить уступки по отношению к обновленцам, отменить введенный под давлением ГПУ новый календарный стиль, и патриарх, пытаясь обосновать свою политику уступок, стал говорить о том, что он не может быть спокоен, когда многие архиереи находятся в заточении. И тогда митрополит Кирилл сказал: «Не думайте о нас, Ваше Святейшество, мы только и годны на то, чтобы сидеть в тюрьмах». Обычно эти слова толкуют весьма поверхностным образом: смиренный священномученик митрополит Кирилл с готовностью идет по своему крестному пути и убеждает святейшего патриарха не беспокоиться о судьбах великомучеников. На самом деле в этих словах звучит очень глубокое прозрение. Один из самых лучших архиереев Русской православной церкви, безусловно, еще в полной мере не оцененный именно в своем духовном величии и в верном понимании пути русской духовной жизни, констатировал одно страшное обстоятельство: Русская православная церковь в лице своей иерархии, в лице своего духовенства оказалась неспособной подготовить большую часть своих пасомых к тем страшным искушениям, которые обрушились на них XX век. Да, теперь для них наступило время искушения, но было возможно искупить свой грех только одним: принятием тех страданий, которые выпадают в местах заточения. Это понимание одним из самых лучших, самых светлых наших новомучеников ответственности Церкви за судьбу всех своих членов является, на мой взгляд, самым главным заветом, оставленным нам нашими новомучениками. И здесь я должен констатировать, увы, самое печальное обстоятельство — не только эта глубокая мысль священномученика митрополита Кирилла, но даже простое отдание дани почитания новомученикам, увы, не стало нормой нашей церковной жизни. Мы вспоминаем о новомучениках в положенные календарные дни, иногда, желая показать миру и самим себе наше высокое духовное достоинство, не стесняемся бахвалиться тем, что именно в нашей стране было прославлено такое количество новомучеников, забывая при этом, что еще большее число заблудших православных христиан их таковыми новомучениками делали. Но более память о наших новомучениках никак не проступает в нашей церковной жизни.

И вот сейчас, когда благодаря усилиям нашей Синодальной комиссии по канонизации святых прославлено уже более полутора тысяч новомучеников, мы можем констатировать то обстоятельство, что они не

Памятник жертвам ГУЛАГа и коммунистических репрессий на Троицкой площади Санкт-Петербурга

только не стали самой почитаемой категорией наших святых, но в значительной степени «уступают в рейтинге популярности» (употреблю это достаточно секулярное выражение) среди наших церковных людей разного рода блаженным, юродивым и старцам — тем, кто на самом деле, будь он подлинным или мнимым блаженным или юродивым, по существу продолжает лишать нас необходимости духовно трезво и нравственно ответственно поразмышлять о нашей прошлой, а значит, и нашей современной жизни, кто предлагает нам очень опасную, очень искусственную духовную анестезию чудотворения, сверхъестественных прозрений вместо подвига повседневной, духовно трезвой нравственно ответственной христианской веры.

И вот это, на мой взгляд, является еще одним результатом того, что советский период нашей истории лишил нас не только подлинных подвижников благочестия, которых на Руси никогда не было так уж много, но и несколько более когда-то распространенных категорий русских людей — пусть не святых, но порядочных, честных и духовно трезвых, которые смогли бы, опираясь на опыт подлинных, а не мнимых святых, изменить духовный климат нашего общества сегодня. Именно таких людей практически не осталось сейчас, ибо им суждено было принимать насильственную смерть на протяжении многих десятилетий советского периода, когда были созданы условия, при которых даже попытка остаться порядочным человеком была чревата для многих физической гибелью.

Анастасия Наконечная: Отец Георгий, перекидывая мостик между опытом новомучеников и сегодняшним днем, сразу вспоминаешь о Соборе 1917–18 года. В то время довольно свободно обсуждались те вопросы, которые сегодня с трудом можно обсуждать, и отвечать на них труднее, чем тогда. Я имею в виду вопросы о духовном образовании, о миссии, о понятном богослужебном языке и т.д. Почему тогда на эти темы говорили более свободно, а сейчас более зажатое? Почему тогда ответы на эти вопросы были смелыми, а сейчас — нет?

Прот. Георгий Митрофанов: Я думаю, что значение наследия Поместного Собора 1917 года в значительной степени преувеличено в нашей современной жизни. Куда более разносторонние и подчас весьма категоричные оценки проблем русской церковной жизни были даны за двенадцать лет до Поместного Собора в отзывах епархиальных архиереев. Поместный же Собор, наоборот, во многом смягчал те крайние мнения, которые высказывались русскими епархиальными архиереями в 1905 году в связи с необходимыми, на их взгляд, преобразованиями русской церковной жизни. Но как бы то ни было, и отзывы епархиальных архиереев, и деяния Поместного Собора 1917 года остаются для нашей современной жизни во многом неотребнованными текстами. Более того, проблемы, которые тогда считались в высшей степени актуальными, почти что перезревшими, в наше время даже не осознаются как проблемы.

И вот это как раз является результатом того колоссального понижения духовного, интеллектуального, нравственного, культурного стиля жизни не только церковного народа, а вообще жизни России как такового, которым оказались чреватые семьдесят лет советского периода. К сожалению, эти годы сказались и на жизни Русской православной церкви.

И с этой точки зрения выход, на мой взгляд, лежит только в одном, а именно — в осознании нашей современной церковью, а с ее помощью и обществом, государством своих подлинных духовных истоков. Продолжает она традиции девятисотлетней Русской православной церкви или же пытается опираться на наследие сначала гонимой, а потом попускаемой и используемой РПЦ советского времени? Пытается ли

осмыслять себя в контексте вечных проблем истории христианской веры?

Выбор необходимо делать, но он еще не сделан. Мы подходим к этому, и одним из важнейших шагов в попытке определиться, по отношению к кому мы являемся продолжателями, был сделан на юбилейном Архиерейском соборе 2000 года, когда в ряду новомучеников были прославлены не только те, кто сохранял каноническую верность митрополиту Сергию, но и его многочисленные, подчас самые радикальные противники. Тем самым Церковь признала, что она перестала быть церковью, следующей лишь принципам митрополита Сергия, но что она видит правоту в действиях тех, кто выступил против той перспективы развития духовной жизни, которую навязывал Церкви заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Сергий (Страгородский). И то, что эта канонизация не предполагала даже снятия с этих новомучеников прещений, которые совершенно неканонично налагал на них митрополит Сергий, явилось свидетельством того, что Церковь готова увидеть для себя наставников церковно-духовной, церковно-политической жизни в том числе среди тех, кто выступил против митрополита Сергия, кто выступал, если перефразировать слова известного европейского политика «за возможность существования самой свободной церкви в самом несвободном государстве». Вот этот дух свободы и ответственности нашего епископата, который в основной своей части дал нам новомучеников, является той чертой, тем качеством жизни церковной, которая особенно необходима нам в наше время.

Юлия Балакишина: Кого из исповедников Вы помните лично, с кем Вам доводилось общаться?

Прот. Георгий Митрофанов: Я, в силу своего возраста, в силу того, что родился и жил в Ленинграде, не имел возможности общаться с немногочисленными выжившими после репрессий 30–40-х годов новомучениками и исповедниками. Но мне доводилось общаться с людьми, которые были исповедниками православной веры в 70-х–80-х годах. Достаточно вспомнить, например, сыгравшую большую роль в жизни моей и моего сына Татьяну Николаевну Шипкову, филолога, прошедшую пять или семь лет в лагерном заточении за свою по существу церковно-миссионерскую деятельность.

Я могу сказать, что с самим вашим вопросом связана еще одна очень острая проблема нашей церковной жизни. У нас сложился стереотип, что мученики и исповедники у нас были почему-то лишь в период 20-х, 30-х, 40-х годов, а потом, хотя и были так называемые административные гонения на Церковь в хрущевское время, был период тихого подавления Церкви в брежневские времена, мучеников и исповедников у нас не было. Это не так. Мучеников у нас действительно почти что и не было, а исповедники были. Да, о них, конечно, сложно говорить сейчас, потому что многие из них еще живы. Мы не можем в полной мере представить их жизнь, их деятельность, потому что архивы за этот период времени, в том числе архивы спецслужб, которые усиленно пытались подавить церковную жизнь в стране в эти годы, для нас недоступны. И еще: немало живо, в том числе и в церкви, тех деятелей, которые преследовали этих исповедников. Они, наверное, не очень заинтересованы в том, чтобы эта страница нашей истории была явлена в полной мере, и прозвучал рассказ о жизни тех, кто в отличие от них честно исповедовал веру во Христа в церкви 60-х–70-х годов. И тем не менее эти исповедники были, и их дальнейшая земная жизнь, а потом уже, наверное, и жизнь их после смерти станет основанием для их прославления. Но это произойдет не сейчас. Сейчас же главное заключается в том, чтобы попытаться дать понять нашему церковному народу, что гонения в разных формах происходили вплоть до конца 80-х годов, и совсем недавно, в 60-е, 70-е, 80-е годы, эти гонения ввели в сон русских новомучеников и исповедников немало достойных людей, некоторые из которых продолжают жить и сегодня, но, увы, остаются неведомы для многих из нас сейчас.

Анастасия Наконечная: Вы могли бы назвать имена тех, с кем можно еще увидеться, поговорить?

Прот. Георгий Митрофанов: Я мог бы назвать некоторые имена, но мне не хотелось бы делать это публично, ведь я не знаю, как они отзовутся на подобное рода инициативы. Для меня очевидно только одно: в нашей современной церковной жизни не только проигнорирован их исповеднический опыт, но и во многом проигнорирован и нивелирован духовный опыт жизни и служения наших новомучеников и исповедников 20-х, 30-х, 40-х годов. Тем ценнее для меня то, что юбилейный собор Русской православной церкви 2000 года, прославив собор новомучеников и исповедников, по существу сделал нравственно необратимым для нашей церкви то развитие, которое намечается сейчас. Наша церковь уже никогда не будет толстой и беззубою церковью митрополита Сергия. Она все больше и больше должна приобретать черты Церкви Христовой.

«ВСЯКАЯ СВОБОДА – В КОНЕЧНОМ ИТОГЕ ЕСТЬ СВОБОДА ОТ СТРАХА»

В Санкт-Петербурге состоялась презентация нового издания повести Л.К. Чуковской «Софья Петровна»

Свято-Петровское малое православное братство провело в санкт-петербургском музее А.А. Ахматовой в Фонтанном доме презентацию книги Лидии Корнеевны Чуковской «Софья Петровна», изданной издательством Свято-Сретенского храма с. Заостровья. Книга, написанная в течение нескольких недель в разгар репрессий, в 1939–40 гг., с риском для жизни была сохранена семьей И.М. Гликина в блокадном и послевоенном Ленинграде. Об истории хранения книги со слов Лидии Чуковской рассказывает руководитель Центра «Возвращенные имена» при Российской национальной библиотеке, издатель многолетнего «Ленинградского мартиролога» А.Я. Разумов. Неожиданностью для участников презентации стало присутствие на ней дочери человека, сохранившего повесть для потомков, — Т.И. Гликиной, которая поделилась со всеми своими воспоминаниями о том времени, в т.ч. о том, как вместе с тетей перевозила повесть уже в 50-е годы из одной ленинградской квартиры в другую.

Презентация стала не просто литературным событием, но, как и многие другие встречи, проводимые Свято-Петровским братством, серьезным, глубоким разговором об истории России в советское время и о том, насколько эта история влияет на время сегодняшнее.

Ведущая презентации кандидат филологических наук, магистр богословия Ю.В. Балакшина обратилась к участникам с вопросом: «Какой болезнью болела Софья Петровна и можно ли говорить о том, что этой же болезнью боится современная Россия?»

Член союза писателей и союза журналистов Санкт-Петербурга, действительный член Академии русской современной словесности С.А. Лурье болезнью Софьи Петровны назвал сумасшествие, к которому приводит вопрос в отношении всех советских репрессий: «ЗАЧЕМ?». «Всякая свобода — в конечном итоге есть свобода от страха, всякий страх — в конечном итоге страх физический. Система НК-ГПУ-НКВД-КГБ старалась сломать каждого, кто оказывался в ее безраздельной власти, доказывая при помощи страха, боли и лжи его полную ничтожность («ты — ничто!»). По мнению писате-

ля, героине книги не хватает всего одной ступени для завершения этого пути, который замечательно прописан у Оруэлла — любви к тому палачу, который, конечно же, тебя убьет. Впрочем, этот недостаток художественного произведения вполне компенсировала история: вся страна искренне оплакивала смерть тирана в марте 1953 года. «Любовь к своему палачу — это и есть суть советского человека. Истинная религия большей части нашего народа до сих пор — сталинизм», — заявил Лурье.

Прот. Георгий Митрофанов, член комиссии по канонизации новомучеников, магистр богословия, церковный историк, отказался называть Софью Петровну больнью: «Это не болезнь, это позиция. Из чувства самосохранения она предала все то лучшее, что было в ее жизни до переворота — веру, русскую культуру, весь мир, который ее сформировал». «Софья Петровна — единственный возможный вариант советского человека после гибели миллионов людей в ГУЛАГе, а затем — во Второй мировой войне. В этом была главная победа Сталина в войне: сопротивляться большевизму стало некому». Говоря о причинах, вызвавших октябрьский переворот и несколько десятилетий безумия, последовавших за ним, отец Георгий признал ответственность церкви за происшедшее. «Мы теперь канонизировали полторы тысячи новомучеников только для того, чтобы забыть их опыт», — сказал он. — До сих пор в церкви еще много проблем, но ситуация может измениться. Важно, чтобы каждый был порядочным человеком, что на постсоветском пространстве равносильно героизму. Призываю вас, по слову ап. Павла, стремиться к святости».

Н.И. Попова, директор музея А.А. Ахматовой в Фонтанном доме, обратила внимание участников на то, что в современной России могут появляться сообщества людей, понимающих друг друга: «Нас здесь 80 человек, и мы слышим друг друга, мы понимаем, зачем мы есть, — это удивительно. Не нужно переделывать весь

мир, нужно делать что-то соразмерное себе. Например, сотрудничество музея Ахматовой и Свято-Петровского братства — это великое дело. Нужны века медленности, настоящей работы по устройству себя и пространства, в котором работают просто человеческие законы, нужно искать Божий смысл, свет, Бога, Его замысел».

Остроту дискуссии придало выступление д.т.н. И.Г. Абрамсона, горячо защищавшего идеи марксизма и коммунизма, преданные, по мнению выступавшего, Сталиным.

По окончании презентации, длившейся около трех часов, многие участники не хотели расходиться, продолжая в небольших группах делиться собственным мнением по затронутой теме. И в самом деле, времени на дискуссию явно не хватило: наверняка многие захотели бы поговорить о разнице между любовью к врагам и обожанием тирана и палача; о том, как нам, сегодняшним, научиться преодолевать любые страхи; как учиться этому у тех новомучеников, которых пока в церкви почитают зачастую формально.

Председатель Свято-Петровского братства В.В. Коваль-Зайцев, оценивая прошедшую презентацию, отметил, что разговор нельзя считать завершенным: «Целью этой презентации было не просто представить событие в литературной жизни нашей страны. Да и можно ли считать повесть «Софья Петровна» событием литературным? Эта повесть — голос свидетеля той страшной эпохи, судьба героини повести — это судьба миллионов наших сограждан, судьба наших матерей и бабушек. Чью же память мы храним лучше? Какие выводы сделали из собственной истории? Вот вопросы, которые стояли в центре презентации и обсуждения которых мы постараемся продолжить на организуемых нашим братством круглых столах, конференциях и других встречах. Надеемся, что это найдет отклик среди жителей нашего города, что и станет преодолением болезни Софьи Петровны — состояния оцепенелого бесчувствия к происходящему вокруг нас и непосредственно нас не касающегося».

Анастасия НАКОНЕЧНАЯ

«Это временное недоразумение, перегибы, неполадки...»

Из книги Л.Н. Чуковской «Софья Петровна»

Каждый час, каждую минуту ждала она Колю домой. Уходя в очередь, она всегда оставляла ключ от своей комнаты в коридоре, на полочке, в старом, условленном месте. Она даже спит горничная оставляла для него в духовке. И, возвращаясь, поднималась по лестнице торопливо, без передышки, как когда-то навстречу письму: вот она сейчас войдет в свою комнату, а Коля, оказавшись, дома и никак не может понять, куда же запропастилась мама?

Одна женщина — в очереди — говорила прошлой ночью другой — Софья Петровна слышала: «Жди его, вернётся! Кто сюда попал — не вернется!». Софья Петровна хотела было ее оборвать, но не стала связываться. У нас невинных не держат. Да еще таких патриотов советских, как Коля. Заберутся и выпустят.

Плохие дела Наталии Сергеевны, — сказал Алик, кивнув подбородком вслед Наташе, — на работу ее нигде не берут. Вроде как меня.

Оказалось, что Наташа успела уже побывать в нескольких учреждениях, где требовались машинистки, но нигде ее не приняли, справившись на месте предыдущей работы. Алик тоже, прямо с вокзала, зашел в одно конструкторское бюро, но, узнав, что он исключен из комсомола, с ним и разговаривать не стали.

— Волчий паспорт, так я понимаю, выдают нам. Ну и мерзавцы! И откуда это вдруг столько словосочетаний набралось? — сказал Алик.

— Алик! — укоризненно произнесла Софья Петровна. — Разве так можно? Вот, вот, за резкость вас и из комсомола исключили.

— Не за резкость, Софья Петровна, — ответил Алик, и губы у него задрожали, — а за то, что я не пожелал отречься от Николая.

— Да нет же, Алик, — мягко сказала Софья Петровна, прикасаясь к его рукаву. — Вы молоды еще, уверяю вас, вы ошибаетесь. Все зависит только от такта. Вот я вчера на собрании защищала Наталию Сергеевну. И что же? Ничего мне за это не сделали. Поверьте, меня замучила история с Колей. Я мать. Но я понимаю, что это временное недоразумение, перегибы, неполадки... надо перетерпеть. А вы уже сразу: негодия! мерзавцы! Помните, Коля всегда говорил — у нас еще много несовершенно и бюрократического.

Алик молчал. На лице у него застыло упорное, упрямое выражение. Он был небритый, осунувшийся, с синевой под глазами. И глаза смотрели из-под очков по-новому: сосредоточенно и угрюмо.

Десятинадцатого вечером, надев осеннее пальто, и платок под пальто, и кашоши, Софья Петровна заняла очередь на набережной. В первый раз предстояло ей

продежурить всю ночь бессменно: кто теперь мог сместить ее? Наташа лежала в могиле, в желтой земле, недалеко от Федора Ивановича. А где были Алик и Коля? Этого понять невозможно.

На этот раз номер у нее был 53-й. Через два часа она протянула в окошко деньги и назвала фамилию. Тучный, сонный человек поглядел в какую-то карточку и вместо обычного «ему не разрешено» ответил: «выслан». После разговора с Цветковым Софья Петровна была вполне подготовлена к такому ответу, и все-таки отлетел огулшил ее. — Куда? — без памяти спросила она.

— Он напишет вам сам... Следующий!

В ящике лежало письмо. Конверт был розовый, шершавый. «Софье Петровне Липатовой», — прочла она. Ее имя было написано незнакомым почерком. И ни адреса, ни почтового штемпеля — ничего.

Завыл коврик на площадке, Софья Петровна кинулась к себе. Села у окна и вскрыла конверт. От кого бы это? «Милая мамочка! — написано было в письме Колиной рукой, и Софья Петровна сразу опустила листок на колени, ослепленная этим почерком. — Милая мамочка, я жив, и вот добрый человек взялся доставить тебе письмо. Как-то ты поживаешь, где Алик, где Наташа Сергеевна? Все время думаю я о вас, мои дорогие. Страшно мне думать, что ты, может быть, живешь сейчас не дома, а где-нибудь в другом месте. Мамочка, на тебя вся моя надежда. Мой приговор основан на показаниях Сашки Ярцева — помнишь, такой мальчик был у меня в классе? Сашка Ярцев показывал, что он вовлек меня в террористическую организацию. И я тоже должен был сознаться. Но это неправда, никакой организации у нас не было. Мамочка, меня бил следователь Ершов и топтал ногами, и теперь я на одно ухо плохо слышу. Я писал отсюда много заявлений, но все без ответа. Напиши ты от своего имени старой матери и в письме изложи факты. Тебе ведь известно, что я Сашу Ярцева со времени окончания школы даже ни разу не видел, так как он учился в другом вузе. И в школе я с ним никогда не дружил. Его, наверное, тоже сильно били. Целую тебя крепко, привети Алик и Наташе Сергеевны. Мамочка, делай скорее, потому что здесь недолго можно прожить. Целую тебя крепко. Твой сын Коля».

Накинув пальто, нахлобучив шапку, с грязной тряпкой в руках, Софья Петровна побежала к Кипарисовой. Она боялась, что забыла номер квартиры Кипарисовой и не найдет ее. Письмо она сжимала в кармане. Она не взяла с собой палку и бежала, хватаясь за стены. Ноги подвинули ее: как ни торопилась она, до Кипарисовой все еще было далеко.

...Кипарисова, в пальто и с палкой в руках, сидела посреди комнаты на сундуке. В комнате было совершенно пусто. Ни стула, ни стола, ни кровати, ни занавесок,

один телефон возле окна на полу. Софья Петровна опустилась на сундук рядом со старухой. — Меня выслают, — сказала Кипарисова, не удивляясь появлению Софьи Петровны и не здороваясь с ней. — Завтра утром еду. Все до нитки продала и завтра еду. Мужа уже выслали. На 15 лет. Видите, я уже уложила. Кровати нет, спать не на чем, просижу ночь на сундуке.

Софья Петровна протянула ей Колино письмо. Кипарисова читала долго. Потом сложила письмо и зажала его в карман пальто Софьи Петровны.

— Пойдемте в ванную, тут телефон, — шепотом сказала она. — При телефоне нельзя ни о чем разговаривать. Они вставили в телефон такую особую пластинку, и теперь ни о чем нельзя разговаривать — каждое слово на станции слышно.

Кипарисова провела Софью Петровну в ванную, накинудла на дверь крючок и села на край ванны. Софья Петровна села рядом с ней. — Вы уже написали заявление? — Нет.

— И не пишете! — зашептала Кипарисова, приближая к лицу Софью Петровну свои огромные глаза, обведенные желтым. — Не пишите ради вашего сына. За такое заявление по головке не погладят. Ни вас, ни его. Да разве можно писать, что следователь был? Такого даже думать нельзя, а не только писать. Вас позавали высласть, а если вы напишете заявление — вспомнят. И сына тоже утку подальше... А через кого прислано это письмо? А свидетели где?.. А как доказать?.. — Она безумными глазами обвела ванную. — Нет уж, ради бога, ничего не пишите.

Софья Петровна высвободила руку, открыла дверь и ушла. Она торопливо, но медленно брела домой. Нужно было закрыться на ключ, сесть и обдумать. Пойти к прокурору Цветкову? Нет. К защитнику? Нет.

Выкинув из кармана письмо на стол, она разделась и села у окна. Темнело, и в светлой темноте за окном уже загорались огни. Весна идет, как уже поздно темнеет. Надо решить, надо обдумать, — но Софья Петровна сидела у окна и не думала ни о чем. «Следователь Ершов бил меня...» Коля по-прежнему пишет «я с тетей наверху». Он всегда писал так, хотя, когда он был маленький, Софья Петровна учила его выписывать петлю непременно вниз. Она сама учила его писать. По косой линейке.

Стемнело совсем. Софья Петровна встала, чтобы зажечь свет, но никак не могла отыскать выключатель. Где в этой комнате выключатель? Невозможно вспомнить, где был в этой комнате выключатель? Она шарила по стенам, наткнувшись на сдвинутую для уборки мебель. Нашла. И сразу увидела письмо. Измятое, скомканное, оно корчилось на столе.

Софья Петровна вытащила из ящика спички. Чиркнула спичку и подожгла письмо с угла. Оно горело, медленно подвораживая угол, свертываясь трубочкой. Оно свернулось совсем и обожгло ей пальцы.

Софья Петровна бросила огонь на пол и растоптала ногой.

Ноябрь 1939 — февраль 1940, Ленинград

«НАС НЕ СМУТЯТ НАСМЕШКАМИ НАД НАШИМ ЕДИНОМЫСЛИЕМ И ЕДИНОДУШИЕМ»

80 лет назад большевиками было окончательно уничтожено
Крестовоздвиженское православное трудовое братство, просуществовавшее сорок лет

В 1906 г. проф. МДА М.М. Тареев вместе с группой студентов МДА (около 25 человек) побывал в Крестовоздвиженском православном трудовом братстве. А через полгода после их визита, в январе 1907 г., Московская духовная академия пригласила Н.Н. Неплюева прочесть цикл лекций. В них он изложил свое мировоззрение и рассказал об опыте устройства трудового братства. Все семь лекций опубликованы в 7-м томе собрания сочинений Н.Н. Неплюева (изд. 1908 г.) под общим названием «Путь веры».

Крестовоздвиженское православное трудовое братство было основано Н.Н. Неплюевым (1851–1908 гг.), одним из крупнейших помещиков своего времени, в 1889 г. В Уставе братства, утвержденном императором Александром III в 1893 г., зафиксированы основные цели его жизни: христианское воспитание детей и религиозно-нравственное совершенствование взрослых через жизнь в христианской общине. Братство имело уникальное право, закрепленное Уставом, выбирать священника в братский храм, а его утверждение зависело от официального покровителя братства, епископа Черниговского и Нежинского. При этом совершенно особым всегда оставалось положение Неплюева, который был не просто создателем и главой братства, но и его фактическим духовным наставником.

После смерти Неплюева братство не прекратило свое существование, как это

Н.Н. Неплюев с воспитанниками школы, многие выпускники которой составили впоследствии основу Крестовоздвиженского трудового братства. 1889 г.

его ожидали его противники. Более того, оно укреплялось экономически и возрастало численно. После 1917 г. Крестовоз-

движенское братство пыталось выжить в новых условиях. В 1925 г. несколько членов братской Думы были осуждены на

сроки от года до десяти с конфискацией имущества по обвинению в контрреволюции, экономических и уголовных преступлениях. В ноябре того же года из братства было выселено еще 75 человек. В этот раз репрессированы были члены семей осужденных, все члены Думы, а также сестры Неплюевы. В 1929 г. на Украине началась коллективизация, в процессе которой братство было окончательно уничтожено, а все братчики изгнаны из Воздвиженска и были вынуждены искать себе прибежища по разным уголкам России.

В последующие годы было сделано всё, чтобы вычеркнуть братство из памяти людей. Сегодня Воздвиженск представляет собой печальное зрелище. Бывшие братские постройки превратились в руины. О братстве в селе почти никто не вспоминает или отзывается о нем враждебно. На месте Преображенской сельскохозяйственной школы расположилась колония для заключенных.

Мы публикуем фрагмент одной из лекций, прочитанных Неплюевым в МДА. В ней он касается одной из показательных страниц истории братства — преследований со стороны либеральной печати, совпавших с единственным серьезным внутренним кризисом братства.

Н. Игнатович
Материалы предоставлены
В.Н. Авдасёвым, директором музея
«Трудовое братство Н.Н. Неплюева»
(с. Воздвиженск, Сумская область)

Н.Н. НЕПЛУЕВ. БЕСЕДА IV. ОПЫТ ЖИЗНИ НАШЕГО ТРУДОВОГО БРАТСТВА.

В это время¹ достигло высшей степени недоброжелательное отношение ко мне и делу братства с одной стороны «либеральной» печати, не прощавшей ни религиозной основы, ни мирного характера нашего дела, с другой — так называемых «церковников», не прощавших мне «новшества» предпочтения животворящего духа веры всякой букве и дерзновение призывать мирян к церковному самосознанию и жизни по вере. Нашелся и ренегат братства, прежде любимый мною воспитанник и брат, сотворивший себе из ума своего кумира и этому кумиру приписавший в жертву и братскую любовь, и самое дело братства. С перерывами по одному месяцу он написал мне три письма, в первом из которых он говорил мне, что предан делу братства до гроба и с восторгом мечтает о радости служить этому святому делу. Во втором, ожесточившись против братьев, которые, по его мнению, недостаточно его ценили, он написал мне, что уходит из братства, «благодаря перед моей личностью», но разочаровавшись в других членах братства и не веря в будущее дела. В третьем, ожесточившись против меня самого, за выраженное мною ему скорбное негодование, он написал, что я напрасно отношусь к нему, как к величине, не стоящей внимания, что он достаточно умен и достаточно хорошо владеет пером, чтобы суметь причинить зло мне и братству, если я не исполню одного его требования. Он исполнил свою угрозу, написав брошюру, в которой изобразил меня, своего бывшего воспитателя и брата, неискренним, смешным дураком, а самое дело братства — напыщенной комедией мистических лицезмеров². Оба враждебных мне и братству лагеря в печати с восторгом приветствовали это «беспристрастное» изображение жизни нашего братства и сами выражали свое «беспристрастие», рекомендуя изучать наше дело по этому документу³.

Как все это типично и поучительно для самопознания современных «христиан»!

Многие в братстве всем этим возмущались, были и такие, которых все это смущало, которые во всем этом находили поддержку своей злой воли, тяготившейся и стеснением личной свободы «кузими» рамками добра, и всем укладом жизни братства, требовавшей братского подвига, в то время как они желали только радостей братской жизни. Тогда-то и проявилась во всей силе зловредность закладки, мною допущенной в форме недостаточного сознательного отношения в практике жизни к человеческой греховности и грехолюбости, с логичным последствием «деликатничанья» со злом. Некоторые члены братства стали, прежде робко, а потом все более и более самоуверенно предъявлять требования свободы зла под флагом свободы мнений, свободы самоопределения, свободы совести и свободы действий, что в действительности сводилось на свободу жить на лоне братства на свободе от всяких братских обязанностей, жить на лоне братства без Бога, без любви, не только не стремясь к единомыслию и единодушию, но именно в разномыслии и разнудушии и полагая свою свободу. Это вполне

походило на требование для членов хора на литургии, вместо херувимской, каждому петь, что вздумается, уверяя, что при этом и получится соответствующая духу времени, самая «культурная» мелодия. Какая в этом знакомая картина, происходящего ныне в большом размере во всем нашем бедном отечестве! Стали тяготиться всем тем, что братство созидает; и братскими собраниями, и общими молитвами, и всего более моими призывами к покаянию, и к жизни с Богом, а не без Бога. Считали, что воздали Божие Богам и не согласуясь с правдою Его ни ума, ни сердца, ни жизни.

Видя, что многие не становятся на путь братского подвига, молчаливо протестуют против всех моих призывов и все более и более самоуверенно злоупотребляют снисходительностью и долготерпением верных братству по духу, я скорбел до невозможности говорить на собраниях без слез⁴; меня буквально убивало сознание, что в братстве нарушено единомыслие и единодушие, что растет в нем антибратская закладка, а я все еще «деликатничал» со злом, все еще доказывал, убеждал, умолял там, где нужно было требовать честного выполнения братского долга, честной братской правды, я все еще хотел сохранить для дела и для братской любви тех, кто уже стал вредной закладкой и нимало не дорожил любовью. Это было с моей стороны не только любовью к ближним в ущерб моему нравственному долгу любви к Богу всем разумением, но и вредным примером для верных братству по духу, которые пошли дальше моего, считая, что они еще менее могут «требовать» и «стеснять» свободу мнений. Они даже и не призвали к покаянию, а просто скорбели и сторонились, уступая дорогу. Зло все более и более поднимало голову, становилось все более и более вредной закладкой, смущая слабых духом и колеблющихся, пока не стало требовать для себя прав гражданства на лоне братства, пока не стало возмущаться всяким проявлением добра, как попользованием на свою свободу, пока не взяло на себя роль хозяина положения, не только не признавая за собою обязанности повиноваться братской Думе, но требуя, чтобы Дума во всем им повиновалась, пока самоуверенно не заговорило от имени всего братства, совершенно с таким правом, как в настоящее время террористы выдают себя за вполне моченных представителей воли народной.

Все это не говорилося на братских собраниях. Там отмалчивались, молчаливо протестуя против меня, братской Думы и тех, кто был с нами единомыслен и единодушен. Все это громко говорилося в братских семьях, в частных разговорах, под предлогом, что все равно ни я, ни Дума с ними не согласимся.

Убедившись в невозможности, без ущерба для дела выжидать далее, когда же наконец соглашались покаяться и вступить на путь братского подвига, Дума братства решила потребовать от «недовольных» письменно изложить свои желания для прочтения и обсуждения их в общем собрании братства⁵.

Это достопамятное собрание произошло в апреле 1900 года. В письменных заявлениях своих потребовали, чтобы на будущее время не считалось более братство делом Божиим и не предъявлять к нему соответствующих тре-

бований, совершенно непосильных для «среднего человека», не считать за зло ни отступление от единомыслия и единодушия на лоне братства, ни измену ему, не требовать братского подвига, а смотреть на братство как на удобство жизни, и устраивать его и жизнь на лоне его применительно ко взглядам и вкусам большинства. Другими словами, выразили желание украсть дело братства у Бога, перестать быть достойным Божиим, оторвать его от лозы Христовой и присвоить себе плод братства, оторвав его от дерева христианства.

Дума братства вместе со мною поняла в полной мере, какое зло причинило братству «деликатничанье» со злом, долготерпение, граничившее с попустительством и малодушная нерешительность в деле удаления из братства вредной закладки. Так Дума и заявила, что кается перед Богом в том, что недостаточно требовала, как минимум нравственных обязанностей, отсутствия самодовольства во зло, честной решимости вступить на путь троякого братского подвига веры, любви и труда, на будущее время, не считая более себя вправе полагаться на добрую волю каждого, а устанавливает определенные руководящие правила, мною предложенные, ожидая от честности каждого из членов братства или принять их в руководство жизни на лоне братства, или уйти из братства, если он сообразоваться с ними не желает. Дело братства только и может быть делом Божиим и членами братства могут быть только те, которые искренно желают духовно возвышаться до честного служения на лоне Божие, а не те, которые желают дело братства принижать до своих немощей.

Это постановление братской Думы было прочитано мною в следующем братском собрании; я сделал очерк жизни братства с самого его основания, нарисовал яркую картину духовного разлада, внесенного в братство представителями личного и семейного эгоизма с одной стороны, и излишней снисходительным отношением к злой закладке с другой, и закончил, заявив, что братская Дума готова забыть все прошлое, желала бы сохранить для дела братства и братской любви нашей всех членов братства, не исключая и тех, которые до сих пор были вредной закладкой, но с неперемным условием, что они перестанут быть этой вредной закладкой, вступят решительно на путь братского подвига веры, любви и труда; будут жить с Богом, а не без Бога, покаются в прежнем самодовольстве во зло, искренно и честно подчинятся руководящим правилам братства и станут благоговейно прикасаться к святыне братства, чтобы не быть ею опаленными, по примеру столь многих опаленных в окружающем нас обществе, благодаря тому, что без благоговения прикасались к Божией святыне Церкви, Откровения, любви, разума и вечного духа своего.

Многих братьев и сестер мы потеряли после этого. Одни в разное время сами ушли от нас, немногие были нами удалены. Остаток верных, умудренный опытом, смирил себя перед Господом, стал более прежнего жить с Богом, более прежнего сознательно любить Бога и служить на святое дело Его, гораздо более прежнего возлагать надежды свои не на себя, не на свой разум и свои таланты, а на Бога Живого и благодатные силы, от Него исходящие.

С этого времени духовный рост братства стал поистине чудесен. В короткое время двух лет многие совершенно духовно преобразились, совершенно преобразилась и жизнь на лоне братства. Восстановилось единомыслие и единодушие между нами, все почувствовали себя нравственно удовлетворенными и мы на опыте извещали правду слов Спасителя мира: «Иго Мое благо и бремя Мое легко есть». Все, что было в тягость, стало радостью. Все, что было «излишней формальностью», стало правдой дорогой святости — и молитвенные собрания, и беседы, и братское лобзание, заповеданное нами апостолом, сказавшим: «Приветствуйте друг друга лобзанием святым», «будьте братолюбивы с нежностью». Теперь нас не смутят более насмешки над нашим единомыслием, единомудрием и «частыми пощелухами» после молитв. Для нас призывы к разномыслию и разнудушью — призывы не вперед, а назад, к скорбному прошлому выстраданного нами опыта жизни. Для нас святое братское лобзание — тройная святая одновременно лобзания живого образа и подобия Божия, живого образа святого, имя которого носит брат наш и самого нежно любимого нами брата. Для нас это правда любви и дорогая святость, которая не станет оттого менее правдой и святыней, что к ней без благоговения отнесется человек, чуждый нам по духу.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ИЗ ХРОНИКИ БРАТСТВА

В братстве господствует взгляд, что измену не надо называть изменой и что уходящим не надо чем-либо выражать несочувствие даже и тогда, когда они уходят при исключительно возмущительных обстоятельствах. Считали, что все это — необходимая гарантия их индивидуальной свободы; в ответ на грубо недоброжелательное, а иногда и явно нечестное отношение к братству, продолжали относиться к виновным вполне благодушно, пожимая им руки и нисколько не стесняясь продолжать с ними вполне дружественные отношения. Неудивительно, что по всей округе стали распространяться слухи об окончательном распадении братства и никто не верил в возможность его дальнейшего существования при такой степени отсутствия самосознания и самоуважения.

Более всех (по выходе из братства Т.П.М. и В.Н.Л.) выражал недовольство Р.Е.Л. Он производил впечатление человека, который уже решил уйти из братства, но хочет прежде добиться того, чтобы его не осуждали за это, разыгрывать роль «пострадавшего от убеждения». Он проповедовал, что осуждать выходящих нельзя, что, напротив, им надо всечески облегчать выход и надеяться их 25 десятилетиями земли (вероятно в награду за измену); проповедовал, что братская Дума должна подчиняться решениям большинства общего собрания, а Николай Николаевич должен перестать быть «подавляющим авторитетом».

Меня страшила опасность потерять многих для дела братства, разойтись с ними навеки. Мне говорили, что особенно вредное влияние оказывают на братство оба поэта Р.Е.Л. и В.К.Ф., сборники стихотворений которых еще недавно были изданы братством, что необходимо их удалить, чтобы спасти многих. Я не хотел и слышать об этом, как из личной любви к ним, так и потому, что не мог помириться с мыслью об окончательной измене братству тех, кто еще так недавно воспевал в стихах правду и радость этого самого братства. Это казалось мне до того безобразным и чудовищным, что я не хотел допустить возможность такого позорного факта. С обоими я поговорил, прямо спросил их, правда ли, что они собираются изменить братству, что я не могу допустить, чтобы в них человечество было на то способно, высказал им, каким страшным соблазном это было бы, какое громадное зло они причинили бы тем братству теперь, когда в литературе поднялась ожесточенная компания против него. Оба в ответ на это целовали меня и уверяли в своей неизменной верности и любви к братству и ко мне. В действительности они уже решились на измену и приговорились к ней, о чем знали уже многие вне братства, чему не верили только наивные ревнители спасения братства от меня и Думы, продолжая считать их отважными выразителями «свободных мнений», вполне твердыми в своей преданности братству! Неудивительно, что подобные люди, изменив братству и всех судя по себе, разносят потом слухи о неискренности отношений на лоне братства, забывая прибавить, что неискренними были именно они сами, изменившие братству.

Была страшная седмица, мы говорили, все, казалось, способствовало тому, чтобы все прониклось чувством смирения и покаяния. Именно в это время один подписывал, другие переписывали те изумительные по гордости и жестокости заявления, которые должны были быть прочтены на пасхе. Для тех, кто знает, как трогательны не только внешняя обстановка, но и настроение многих в нашем братстве на собраниях этой недели, при глубокой проникновенности великосветских богослужений, тому особенно поразительным покажется это яркое доказательство абсолютной свободы духа человеческого, его совершенной независимости от окружающей обстановки, когда эта обстановка чужда его настроению. Нужна громадная сила сопротивления, чтобы остаться холодным и враждебным среди всем нам знакомой и дорогой духовной атмосферы говения в братстве на страстной неделе. Нужна большая степень злобы, чтобы не отве-

тить в эти дни любовью на любовь, не смириться перед Крестом Спасителя мира, не допустить в сердце свое умиления, готовясь приступить к таинству причащения, соприкасаясь ежеминутно с братьями и сестрами, умилившись в эти дни до искреннего смирения. И мы испытывали, что и эта сила сопротивления возможна. Когда сердце полно вражды к людям и жизненной обстановке, которым изменить решили, сердце крепко замкнуто для добрых впечатлений и добрых влияний. Более того, немалая логика заставляет всех, судя по себе, отнестись клеветнически ко всему окружающему, видеть неискренность и притворство во всем, что, признав искренним, нельзя не полюбить до покаяния и признания за собою нравственной обязанности измениться, «составить плоды, достойные покаяния».

По-видимому, оба — и В.К.Ф., и Н.П.П., — ожидали, что их уход из братства произведет потрясающее впечатление, заставит многих, по крайней мере, последовать их примеру. Иначе трудно объяснить их дальнейшее поведение, когда они увиделись, что ожидаемого впечатления их выход не произвел. Особенно удивительно в этом отношении самообольщение Н.П.П., которым давно тяготелась братская семья св. Андрея, как человеком грубым, очень ленивым и очень неряшливым. Через два дня, 19 апреля, он уже передумал, и желая остаться в братстве, написал письмо, в котором выражается так: «Всему тому, что случилось... я чрезвычайно рад, я даже думаю, что страдания, пережитые мной, нужны были для моего самосознания... Той преданности братству, той привязанности, которую я почувствовал, я и не подозревал в себе (так говорит человек, недавно с немомовой грубостью, под предлогом «преданности» защищавший «интересы» братства от меня и Думы)... То, что было со мной раньше, представляется мне какой-то ямой, где я бродил с завязанными глазами, ничего не видя и все критикуя... За все, что я сделал дурного, думаю, достаточно настрадался и сам».

Письмо это адресовано к братьям и сестрам, а не к Думе, и не заключало в себе ни слова о том, насколько он сознает себя виновным перед Думой, насколько намерен на будущее время признавать ее авторитет и ей подчиняться.

В.К.Ф. выражался так: «В прошлое воскресенье в общем собрании братства Николай Николаевич говорил по поводу событий, напоминающих которые я не буду... Такого влияния, чтобы мне хотелось переменить и раскаться, слова Николая Николаевича тогда на меня не оказали... Моя записка казалась мне грубой не в пределах правды, но лишь в пределах формы... Последующие дни стали для меня днями тяжелого опыта... Мое одиночество рассказало мне лучше всякого объяснения и мой старый грех, и грех моего выхода из братства... Мне стыдно за мою записку, написанную, как мне теперь видно, скорее в отрицание, чем в исправление братства... Я остался почти без веры в Бога, а потому и без веры в Божие братство (ценное признание со стороны того, который в своем заявлении говорил, что регламентация религиозной жизни возмущает его благоговейное чувство по отношению к святыне молитвы). Прошу прощения у Николая Николаевича, братской Думы и всего братства... Заранее только могу обещать смирение и покорность перед авторитетами благодетеля и братской Думы. Если братство не найдет возможным принять меня обратно, я приму и это как заслуженное».

На братском собрании 30 апреля было предложено и решено как общее правило, принимать изменивших братьев обратно не иначе, как в положении допущенных на годичное испытание. Предложено это было теми, кто думал, что это не только справедливо, но и должно быть нравственной потребностью для самого раскаявшегося, если покаяние искренно, и привело его к благородному желанию чем-либо искупить перед братством свою вину и доказать ему нелицемерность чувств любви и смирения. Все это было подробно высказано на собрании. Со своей стороны я поддержал это предложение, находя, что это будет некоторой гарантией для братства от завески нераскаянной самодовольной гордости. На таких основаниях Дума решила принять обратно в братство и В.К.Ф. Этого оказалось совершенно достаточно для того, чтобы он себя вполне выказал, и братство было спасено от роковой ошибки допустить его в свою среду.

На другой же день после собрания братства, на котором объявлено было о согласии Думы принять его обратно, он заявил, что вторично изменяет братству и написал мне изумительное по своему наивному цинизму письмо, в котором между прочим говорит так: «я не ожидал, что мне создадут в братстве положение так называемого допущенного. Для себя этого положения я не понимаю (умно было бы сказать: «иного положения не понимаю»). Братство и вы знаете меня слишком достаточно (умно было бы сказать: «и потому иного положения я ожидать не могу»). Для меня именно важно было вернуться в братство без вечного терзания за свое неравноправие... Вернуло меня в братство не сознание вины (опять ценное признание со стороны человека, неделю перед тем заявившего: «моё одиночество рассказало мне лучше всяких объяснений и мой старый грех и грех моего выхода из братства»), а сознание того, какой вред причинит братству мой выход... Одно это заставило меня вернуться в братство (другими словами: «теперь из-за самодобия, не имея благодарства понести на себе логичные последствия прежних моих поступков, созна-

тельно решаюсь причинить братству этот вред»). Нескромно это было говорить прежде (когда был вновь назван братом и говорил: «заранее только могу обещать смирение и покорность»), но я это говорю теперь (когда искренность более не имеет того благородного смысла, который она могла иметь прежде, и является совершенно излишней грубостью по отношению к тем, которых навсела покидает), чтобы вы знали, в какой мере смирение и в какой другое чувство руководило мною».

Вот на что способен самый зурядный человек, не особенно злой и не особенно глупый, когда он ослеплен самодовольной гордостью. Злейший враг не смог бы подделать более позорный и глупый документ против него, а он добровольно за своей подписью выдает на себя это свидетельство. Совершенно так поступал и «умный» И.С.А., и «умный» И.Е.Д. и так многие «умные», когда гордость или злоба, а всего более, когда гордость и злоба, делали их немняемыми. И это ценный опыт жизни нашей. И в этом «имеющие уши слышать да слышат».

В ответном письме я, между прочим, говорю: «Ваше письмо окончательно убедило меня, что никакой вред, происходящий от выхода вашего из братства, не может равняться со вредом и ложью Вашего пребывания в нем... Вы удивляетесь, что зная Вас, Дума могла поставить Вас в положение испытываемого. Именно зная Вас и то, на что Вы способны, Дума и не могла благообразно поступить иначе, что Вы и подтвердили своим последним поступком».

¹ В 1900 г.

² Речь идет о бывшем члене братства И. Абрамове. О содержании его братства И. Абрамова дает любопытную картину внутреннюю жизни в «летописании братства». «... Членов в братстве, мужчин и женщин, в настоящее время около 100... И над всем царит властная рука диктатора — Неплюева, к нему стягиваются все нити братской жизни. В сущности, братство есть обстановка для его тщеславия и самовозвеличения, прикрытых лишь маскою христианского смирения... Чтобы не раскрывалась фальшь всей этой пышной постройки, необходимо тщательно изгонять всякий дух критики... Братчики только себя считают настоящими, избранными людьми, а на весь остальной мир, поразивший во зле, смотрят свысока». Из русских журналов // Мир Божий. 1900. № 5-6. С. 42-43.

³ В другом месте Н.Н. Неплюев пишет: «Почти все, изменившие Братству, в большей или меньшей степени на первых порах становились врагами его. Оно и понятно; иначе и быть не могло. Братство Трудовое не такое дело, которое можно было бы оставить без очень дурных чувств со стороны тех, которые в наших школах или, прожив некоторое время на лоне его, не могли не понять его значения для блага Церкви, Государства и всего человечества. Надо много грубого эгоизма для того, чтобы свою личную выгоду или свою прихоть поставить выше этого, общепольного дела. Многие доказали, что в «сынях века сего» не только эгоизма для такого поступка хватает, но хватает и самодовольной гордости для того, чтобы даже не стыдиться этого слуха. Смирения сознать низость побуждений при этом, при эгоизме и гордости хватить не может. Гордость непременно заставит их постараться убедить и себя и других, что, изменяя Братству, они поступают хорошо, а это доказать можно только одним путем: оклеветать, очернить Братство до того, что измена ему покажется благом и доблестью».

При таких обстоятельствах естественно ожесточить свое сердце против Братства, которому изменяли, не только ожесточить, но и постараться других ожесточить. В этом ожесточении и оклеветании всё извинение измени в глазах людей. Измена вообще нечто настолько позорное, что надо много для того, чтобы доказать, будто она не «зло», а «добро», особенно, когда изменяют тем, кто нежно любил и ревниво заботился о благе изменяющего. Логика злобы и гордости неизменно такова: сделал зло, мстить пострадавшему за это, ему причиненное. За малым исключением, почти все, изменившие Братству, а их было много, сели в вражду, мстят Братству за свою измену; наконец нашелся между ними И.С.А., более других виновный передо мною и Братством, а потому и более других решительный в деле причинения нам возможно большего зла. Он первый выступил против меня и Братства в печати. Я не читал и в будущем не намерен читать его статей, мне стыдно было бы читать их, но по тем токам и недоразумениям, которые возникли под их влиянием, я знаю, что все факты нашей братской жизни получили под его пером такую живую окраску, что белье праздничные блузы превратились чуть ли не священнические ризы, и невинная братина — чуть ли не в пир, из которого я позволяю себе, не имея на то никакого права, приобщать вступающих в Братство и братские кружки, таив образцом, кощунственно приговаривая себе самозваное право совершать таинства».

⁴ Эти переживания тяжело отразились на здоровье Неплюева и, по мнению многих, стоили ему нескольких лет жизни.

⁵ Недовольство возникло в братской общине во имя свт. Николая, состоявшей из учителей. Проблемы вызывал тот факт, что основные вопросы братской жизни регулировались Неплюевым и братской Думой, а не большинством братчиков. Кризис нарастал постепенно, недовольство росло, но публичных обсуждений на эту тему, по-видимому, не было, члены братства обсуждали это между собой. 16 января 1900 г. ушел первый из «недовольных», открыв серию уходов (всего ушло ок. десяти человек и еще двух исключили). Наконец, за неделю до кризиса член братства Р. Леляков адресовал братской Думе письмо, в котором содержалась следующая критика: «Авторитет Н.Н. имеет подавляющее значение и является причиной крайней несамостоятельности братства», вместо братства — «крошечная монархия с независимым правительством и с очень зависимым, трусливым и апатичным населением». Его протест вызывает «строгая регламентация в религиозной жизни братства», по причине которой «члены братства, уйдя на сторону», поражают людей полным отсутствием религиозности. О самом себе Леляков пишет, как о «преданном члене братства», «глубоко любящем его руководителей». В конце письма Неплюевым написано: «Через неделю из братства, не скрывая самых дурных чувств».

Развязка наступила на светлой седмице: 11 апреля 1900 г. на общем собрании братства «недовольные» зачитали свои заявления, в которых звучали те же мысли, что и в письме Лелякова. Прозвучало и несколько голосов тех, кто думал иначе, но они не были услышаны. 14 и 15 апреля Дума собиралась на заседание, а 16 апреля состоялось общербратское собрание. На нем было зачитано постановление Думы, в котором заявления «недовольных» были признаны скандальными. Также были приняты руководящие правила жизни братства. После этого часть «недовольных» ушла, прочие принесли покаяние.

— Отец Иоанн, как Вы считаете, актуальна ли тема «Общность, общение, община в современном мире»?

— Конечно, актуальна. Но, говоря о ней, важно помнить, что когда поднимаются такие темы, а разрешения проблем при этом не происходит, наступает усталость и гаснет интерес. Поэтому очень важно, как говорить об общении и какие плоды принесет наш разговор. Ведь если он не расчистит «завалы» внутри нас, не породит плодотворное общение, тогда будет только хуже. В этом смысле мы беремся за рискованную тему.

Примеров истинного общения немного. Очень много подмен. Мы можем говорить красиво, умно, завораживающе...

А в XX веке вообще ярко проявилась «вера в заговоры», в заговаривание людей. Оказалось, что можно говорить, говорить, говорить, говорить, до тех пор, пока собеседник не пропитается твоей идеологией. Мне сказали, что во Вьетнаме и Северной Корее использовали такой метод против американских солдат, и это действовало.

Поэтому я думаю, что у общения очень много двойников. Подмен много. А настоящее общение — это все-таки редкий цветок. Сам дар общения, может быть, встречается чаще, но почему-то он очень плохо усваивается. Подлинное общение предполагает открытость к горнему, к высшему. Мне памятна слова Дитриха Бонхёффера: «христианин предпочтет говорить с Богом о брате, нежели с братом о Боге». Мне дорого то, как Бонхёффер настойчиво утверждает вертикальное измерение общины, христианской, церковной жизни. Подлинное общение возможно только в совместной устремленности к истине.

Один из главных врагов общения — лицемерие, когда мы начинаем человекоутоличать, льстить человеку. Иногда от этого общения трудно удержаться. Да, бывает лезть церемониальная, «протокольная», в которую по большому счету никто не верит. Но бывает лезть и в братском общении, и она более опасна.

Я думаю, что настоящее общение всегда приводит к общности судьбы и поддерживается этим общим путем, какими-то обязательствами, которые люди берут на себя. И оно заканчивается при чем-либо уходе с этого пути, при перемене или измене пути.

Но даже если этого не происходит, люди вовсе не обречены общаться, общаться, общаться 24 часа в сутки и все оставшиеся годы своей жизни. Общение — ветер, который веет, где хочет, когда хочет и как хочет. Если Бог подарил общение, оно совершенно не обязательно должно идти только по нарастающей. Известный пример — Александр Исаевич Солженицын и о. Александр Шмеман. Их первая личная встреча была пиковой, потом уже общение не поднималось до такой высоты. И такое тоже возможно. Я думаю, что ставить вопрос, почему дальше это общение не обогащалось, не расширялось — неправильно. Понятно, что по-человечески все мы страдаем, пережив какой-то взлет, а потом — «понижение тона», невозможность подняться на прежнюю высоту. Но в связи с этим мне вспоминаются слова Ольги Александровны Седлаковой: «Кто выпал из руки чудеса, но не скажет «пусты чудеса», перед тем с почтением склоняются небеса». Важно запечатлеть, запомнить тот дар, который был дан Богом, и возвращаться к нему в своем сердце, не предавая его. Мне кажется, что нужно быть верным тому, что открылось, и тогда будет верность первой любви. Может быть, это значительно важнее и наполненнее, чем страдать на тему: «почему сегодняшняя высота не поднимается выше той высоты, что была раньше, почему мы не идём все выше и выше?» В этом

НАСТОЯЩЕЕ ОБЩЕНИЕ — ЭТО РЕДКИЙ ЦВЕТОК

Интервью со свящ. Иоанном Приваловым

Встреча Марии и Елизаветы. Фрагмент фрески Софийского собора в Киеве, XI век

смысле марш советских авиаторов («Все выше, и выше, и выше...») — не христианский гимн. Очень часто жизнь движется более сложно. Я не говорю, что это хорошо, но это нужно учитывать. Даже ракеты, и те движутся вверх не строго перпендикулярно.

— В жизни любого человека есть минуты подлинного общения независимо от того, верующий он или нет. А есть ли признаки, по которым можно узнать подлинное общение?

— Настоящее общение всегда предполагает чувство того, что людей соединяет нечто высшее, как бы они это высшее не именovali. Я бы еще сказал про общение так, как Пастернак говорил про искусство: «влечение, сила и захват». Если это глубокое общение, то оно захватывает, держит, обладает такой силой, что из поля нашего зрения пропадает всё, что нас окружает. Самое главное происходит здесь и сейчас — внутри нас и между нами. Но и тут могут происходить подмены. Ведь иногда интенсивное общение сводит людей с ума. Поэтому важно судить по духу и по плодам. Истинное общение исходит из свободы и прумножает свободу («познаете Истину, и Истина сделает вас свободными»). В истинном обще-

нии люди не привязываются друг к другу, а каждый раз отпускают друг друга на свободу:

Я стал доступен утешению; За что на Бога мне роптать, Когда хоть одному творению я мог свободу даровать!

Еще в настоящем общении есть момент внезапности, неожиданности, потому что это в какой-то мере и Божий дар. Невозможно запланировать чудо, можно его ожидать. Мы часто в таинствах прикасаемся с Богом, но поставить встречу с Богом в план невозможно. Можно поставить в план поход на Литургию...

— По результатам опросов ВЦИОМ более половины населения России счастливы, треть основывает свое счастье на семейном благополучии. Стоит ли в таком контексте затрагивать тему церковного общения?

— Общение предполагает полноту жизни. Если люди счастливы, то они тем более расположены к общению с другими, ведь любящий дарствует. Счастье, участие — однокоренные слова. Я не знаю, может ли быть человек счастлив, если он радостно и свободно не участвует в судьбе других?

— Насколько нужен разговор об общине и общении современному человеку с его сомнениями, кризисами, неверием и всем остальным?

— Я не знаю как сейчас, но еще полгода-год назад потребность в этом была очень высока. Я видел, что стало появляться много просветительских проектов, где главный подтекст — в том, что хорошо бы что-то делать вместе. Наступила такая атомизация, такое разобщение, что катастрофически падает качество в самых разных областях жизни. Качественные вещи человек в одиночку производить не может. Ученые нуждаются в пространстве, где они могут обсуждать идеи и мысли, даже если в этом есть риск плагиата. Искусство умирает без воздуха общения, любому творческому человеку нужно пространство, объем, резонанс. Писать в стол — требует большого мужества, и непонятно, что из этого потом получится. Вещи, изъятые из своего времени часто остаются только памятниками истории, не более того. Есть вещи, которые должны прозвучать во времени. А для этого требуется общество, община, общение.

— В каком случае Вы оценили бы обсуждение этих проблем как успешное?

— Как минимум нам самим нужно освободиться от той копоти, пыли, которая наслала на нас под видом общения. Мне кажется, что в последние годы было много произнесено громких слов по поводу общения и общины. Но которые слова оказались фальшивыми, несмотря на их звонкость. Возникла «идеология общения и общины».

— В чем именно выражается эта идеология?

— В том, что под общением понималось желание «заговорить» собеседника: «Надо общаться, общаться», «нужно больше общаться», «нужно как можно больше общаться», «нужно друг с другом общаться», «нужно всегда общаться» и т.д.

Все-таки в общении нужно двигаться не столько по горизонталю, сколько по вертикали. А вертикальное общение — это общение с Богом и через Бога. Вспомним, что пишет Бонхёффер: «один христианин нуждается в другом христианине только ради Иисуса Христа, один христианин приходит к другому христианину только через Иисуса Христа». Бонхёффер напоминает нам, что Христос — единственный Посредник не только между мной и Богом, но и между мной и братом, между мной и миром.

Беседовала Дарья Макаева

Преображенское содружество малых православных братств и Свято-Филаретовский православно-христианский институт проводят международную конференцию

«ДАБЫ ВОЗВРЕЖЕНИЕМ НА СВЯТУЮ ТРОИЦУ ПОБЕЖДАЛСЯ СТРАХ ПЕРЕД НЕЕНАВИСТНОЙ РОЗНЬЮ МИРА СЕГО»: ОБЩНОСТЬ, ОБЩЕНИЕ, ОБЩИНА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Москва
30 сентября—2 октября 2009 г.

Ежегодные конференции Преображенского содружества малых православных братств — это попытка разобраться в смыслах настоящего, в том, что происходит сегодня с нашей церковью и нашим обществом. В этом году мы предлагаем поразмышлять о том, что мы можем противопоставить «ненавистной рознью мира сего», в современном мире подчас рвущейся в одежды корпоративности, идеологической консолидации, войны «своих» против «чужих».

Общность, общение и община, с нашей точки зрения, являются главными аспектами духовного противостояния «ненавист-

ной розни мира сего», какие бы формы она ни принимала.

Следуя завету преп. Сергия Радонежского, мы предлагаем, в первую очередь, обратиться к общине, как к той сфере церковной жизни, в которой образ общения, данный в Святой Троице, ищет своего воплощения, к общине, как к принципу и основе личностного единства в церкви.

Однако не меньший интерес для нас представляют пути и способы формирования различных социальных общностей, если в их основе лежит стремление к подлинному общению людей.

Сама универсальность понятия «общение» предполагает раз-

личные подходы к нему: общение Святого Духа в Церкви, церковное общение между людьми в духовном делании и в таинствах, общение в красоте и доброте через культуру, социальные отношения как фактор формирования гражданского общества и т.д.

Анализ особенностей общения и общинной жизни в современном мире невозможен без оглядки на историческую перспективу, на труды русских и европейских богословов и философов, на опыт новомучеников и исповедников российских, на пути, обретенные другими странами и конфессиями.

Нам интересно все, что может помочь всем нам освободиться от

страшно травмированного в советское и постсоветское время опыта единения людей и победить страх перед «ненавистной рознью мира сего»; обрести те подлинные общность, общение и общину, которые в совокупности и представляют собой жизнь, способную стать положительной альтернативой и отчаявшемуся индивидуализму, и жесткому корпоративизму.

Оргкомитет:

Председатель оргкомитета, проректор СФИ
Дмитрий Сергеевич Гасак;
Россия, Москва, 105062,
ул. Покровка, 29—38
Тел./факс 624—9250; 623—0380;
e-mail: sretenye@sfir.ru

НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU ВЫ МОЖЕТЕ НАЙТИ ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ НОВЫХ НОМЕРОВ И АРХИВ ГАЗЕТЫ ЗА 6 ЛЕТ

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

Учредитель: Межрегиональная общественная организация «Культурно-просветительский центр „Преображение“»

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29, стр.1

Тел./факс: (495) 624-92-50

© МОО «Культурно-просветительский центр „Преображение“»

Все права защищены

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Главный редактор: А.В. Колымагина

Зам. гл. редактора: А.А. Буров

Электронный адрес редакции: kifa@list.ru

Электронная версия газеты: http://gazetakifa.ru

«Культурно-просветительский центр „Преображение“»

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Над номером работали:

Анастасия Наконечная,
Елена Шевелева, Дмитрий Матвеев,
Дмитрий Дорошко, Владимир Лидский

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-24541 от 2 июня 2006 г.

Дизайн: Андрей Мареев

Верстка: Татьяна Тыртыш, Анна Лепехина

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Тацкая, д. 5 Тираж 1500. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 19 мая 2009 г. Время подписания в печать: по графику — 9.00, фактически — 9.00 Дата выхода в свет 22 мая 2009 г.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине **predanie.org**; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38); в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).

Подписной индекс в агентстве Роспечать — 19601

Телефоны распространителей

Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769

(Ольга Филиппова), 8-916-114-6737 (Ольга Орлова),

158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова);

Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная);

Архангельск: 8-921-073-3276 (Надежда Макурина);

Воронеж: 8-950-763-50-35 (Александр Терехов);

Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова);

Тверь: 8-(4822)-50-2308 (Олег Ермолаев);

Тула: 8-(4872)-37-5782 (Марина Писаревская);

Электросталь: 8-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)